

ВИАДУК ПЕТРА НИКИТИНА: КАК ОЖИВАЮТ ОТКРЫТКИ

ТВОРЧЕСКАЯ КОМАНДИРОВКА АСПИР В ГОРОД ПРОТОКОСМОНАВТИКИ,
РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА И ФРАНЦУЗСКОГО СЫРА

АНДРЕЙ НОРОВИН
Поэт, критик, литера-
турный деятель, журналист,
автор песен, руководи-
тель культурных проектов.
Родился в поселке Перво-
майский города Щенино
Тульской области. Онончил

Тульский факультет юриди-
ческого института МВД
РФ, Высшие литературные
курсы при Литературном
институте имени А.М. Горь-
кого (семинар поэзии
Ю.П. Нузнецова). Нан поэт
печатается с 1989 года.

В молодости я собирал дореволюционные почтовые открытки. Были среди них и наши, и иностранные, и с надписями, и без. Увлекательно рассматривать спустя сто с лишним лет фотоотпечатки мест и людей, которые стали случайным отсветом человеческой истории. А люди на этих открытках веселятся, или гуляют, или работают. Вот прачки в Париже стирают в Сене белье. А вот карнавал в Венеции, огромные нунольные фигуры везут на повозках по городу. Вот — наирские пирамиды, а сзади письмо кому-то на неизвестном мне языке. Целые истории можно сочинить, глядя на эти застывшие фото. Среди прочих однажды попалась мне и открытка с видом на лужского виадука и стоящим на нем мужчиной... Так меня тогда поразил этот мост, что я написал о нем стихотворение, точнее даже не о нем, а о времени, в котором этот мост проносится вместе со стоящим на нем мужчиной. Прошло тридцать лет, и вот я — в Налуге...

Творческие поездки писателей по России сегодня организует АСПИР — Ассоциация союзов писателей и издателей (объединившая несколько крупнейших писательских союзов и Российский книжный союз). Писатели сами выбирают свой маршрут. И я решил осуществить давнишнюю мечту — увидеть самый большой в России виадук. А заодно повидаться с друзьями в Налуге и Обнинске. В эту творческую поездку мы отправились с сотрудником АСПИР Марией Базалеевой на машине.

Улица Норовинская, на которой стоит наш отель, нан будто встречает с распростертыми объятиями. Надо же было приехать в Налугу именно на улицу Норовинскую! Ничто не предвещает завтрашний ледяной дождь. Утром первого дня — встреча со студентами в Калужском государственном университете имени Н.Э. Циолковского. Полный зал студентов-филологов и журналистов вначале недоверчиво смотрит в свои телефоны, затем начинает включаться в разговор, задавать вопросы, внимательно

слушать стихи. Кажется, контакт с залом найден, и сами педагоги тоже слушают внимательно и даже с каким-то удивлением. Мне доводилось сталкиваться с такой реакцией слушателей: «Думали, будет скучно, а оказалось очень интересно!» Увы, сегодняшний читатель почти не знаком с современной поэзией.

После университета едем в Обнинск. Город, с которым я почти сроднился: так часто в последние годы здесь бывал. Породнил меня с ним мой друг замечательный русский поэт Валерий Прокошин, ушедший из жизни в 2009 году. Его калужский треугольник: Ермолино — Боровск — Обнинск. Налугу он не любил и все время ее «троллил», как теперь говорят, в своих стихах. Зловещая у него она получалась, Налуга. Маленькая местная столица вызывала у него раздражение. Видимо, не сложилась у них любовь, так бывает у мужчины с женщиной.

О Прокошине мной сказано уже достаточно — и в печати, и на многочисленных вечерах памяти и в Москве, и в Обнинске. Поэтому начинаю свое выступление в Центральной городской библиотеке рассказом о двух других поэтах русской провинции, близких мне своей жизнью и творчеством, — туляках Ольге Подъемщиновой и Сергее Белозерове. Представляю книгу их судьбы и любви «Зима», изданную в прошлом году. Потом перехожу к своим стихам. В зале — дорогие сердцу люди: удивительный художник Вячеслав Черников, друг и единомышленник, с которым мы работали вместе не над одной книгой, поэты Эльвира Частинова, Наталья Никулина, Евгений М'Арт, прозаик Надежда Коллегова, знакомые и незнанные лица. Обнинская библиотека с моего последнего визита совершенно преобразилась, это был не просто ремонт, а настоящее современное преобразование пространства. Все продумано — есть секции для маленьких читателей, для подростков, для взрослых. Дизайн современный, комфортный и уютный.

Понимаю, почему здесь все время толпятся дети, сидят за столами подростки, приходят взрослые читатели. Это — Дом Книг, а не архив, как это частенько бывает в провинциальных библиотеках. Зато совершенно не изменилось традиционное обнинское гостеприимство — чайнофе, печенья-бутерброды гостям и друзьям библиотеки, разговоры о совместных проектах и книги в подарок. Да еще конфеты по карманам «на дорожку» в придачу. Люблю я этот Обнинск и ничего не могу с этим поделать!

Поздним вечером возвращаемся в Налугу под стук ледяного дождя о лобовое стекло. Мария крепко держится за руль, чтобы благополучно довести машину до Норовинской улицы в Налуге. Обсуждаем сегодняшних слушателей и приходим к выводу, что слушатели в Калужской губернии замечательные. День был насыщенный, хотелось бы пообщаться со всеми подольше, но жесткое расписание обязывает держать рабочий темп.

Утром — краткая обзорная экскурсия по городу, которую проводит для нас писатель Ольга Клюнина. Налуга — небольшой русский город с населением примерно в триста тысяч жителей, уютно расположившийся по обеим берегам Оки, недалеко от Москвы. Говорят, архитекторы называют Налугу столицей русского классицизма. В городе и правда отлично сохранился исторический центр, торговые ряды Гостиного двора, кафедральный собор Живоначальной Троицы... А тот самый, поразивший меня в юности на открытке легендарный каменный мост известного архитектора Петра Никитина, — старейший и крупнейший каменный виадук России, в реальности поистине впечатляет. Мост опирается на 15 крупных

наменных арон, три центральные арки сделаны в два этажа. В длину — порядка 160 метров, а в высоту — около 20. Вид с моста на ручей Березуй, что бежит по дну крутого оврага, такой, что аж дух захватывает! Вот только почистить овраг от мусора городским властям не мешало бы...

Но главное, что случилось с Налугой за всю ее историю, — это, конечно, Циолковский. Скромный гимназический учитель, поселившийся на окраине города, в свободное от службы время писал научные труды о ракетодинамике и воздухоплавании, астрономии и философии, конструировал дирижабли и ракеты, мечтал о полетах человека в космос и заселении Луны.

Это было время мечтаний и технических открытий. Люди искали бессмертие, а он смотрел дальше звезд — туда, куда может пробиться только человеческий разум. Здесь, на окраине Вселенной, Циолковский представлял себе полеты человека в космическое пространство, листал википедию того времени — Энциклопедический словарь Бронгауза и Ефрона, носился по городу на велосипеде в своем знаменитом плаще-крылатке, катался на коньках по Оне, используя большой черный зонт как парус. Если бы не внезапная глухота, случившаяся с ним из-за детской простуды, может быть, и не было бы великого ученого и мечтателя Циолковского. Он справился с этой травмой, придумав свой знаменитый «слухач» — трубу, через которую слушал собеседника. Труб этих немало сохранилось в его Мемориальном доме-музее в Налуге.

Но главное, что сделал Циолковский, — это запустил маленькую, провинциальную Налугу в открытый космос. Где бы она была сейчас без него? Сегодня же все, кто так или иначе причастен к космической эре человечества, знают о ее первопроходце Циолковском и скромной Налуге, в которой он жил.

Я слышал, что раньше была такая традиция: наши космонавты после полета в космос приезжали в музей отчитаться перед Циолковским о проделанной работе. Приезжают ли к Циолковскому нынешние космонавты? Он-то наверняка сидит на своей любимой Луне, пишет очередные научные труды и поглядывает на космические корабли, летающие вокруг Земли, думая, когда же, наконец, человечество перестанет заниматься ерундой и займется настоящим делом — освоением дальнего космического пространства.

Сегодня Дом-музей Циолковского вызывает тихую грусть. Рядом разрастаются частные дома, пытаюсь разукрасить округу пародией на провинциальность. А мне видится вокруг чудесного дома великого мечтателя воздухоплавательный парк с дирижаблями, аэропланами и воздушными шарами, на которых смогли бы подняться в небо посетители музея, чтобы окинуть взором с небес нашу крохотную землю и увидеть, какая же она маленькая и хрупкая. И, может быть, как и Циолковский, захотеть поселиться где-нибудь на Луне, хотя ее, говорят, уже давно продали под будущие космические дачи предприимчивые американцы.

На калужском рынке встретился нам внезапный француз. Как ему и положено, он продавал настоящий французский сыр. Вопрос, что он здесь делает, не застал его врасплох. Наверняка он привык отвечать на него по сто раз на дню. Он говорит, что любил старый тихий Париж, а теперь там столько беженцев, что город совершенно изменился. А здесь, в Налуге, тихо и спокойно, и он чувствует себя как в Париже 80-х годов. Слово он из него нигде и не уезжал. Вот такая она современная Налуга — тихий русский Париж.

Днем нас ждут в Налужской областной научной библиотеке имени В.Г. Белинского. Здесь тоже встречаются хорошие друзья-писатели — Александр Трунин, Марина Улыбышева, Павел Тришнин, Инна Теплова и другие. Со многими неоднократно виделись и выступали вместе в Москве, Контебеле, на Полотняном Заводе. Встреча получилась камерной, но насыщенной стихами и вопросами-ответами. Областная библиотека в Налуге проигрывает Обнинской по многим параметрам: и по сухому гостеприимству, и по отсутствию ремонта, и по безжизненности библиотечного пространства. Ну что ж, в чужой монастырь, как говорят, со своим уставом... Хотя немного обидно даже стало за Налугу...

Налуга давно уже признана колыбелью космонавтики. Даже на гербе у нее — первый космический спутник Земли. Потрясающий, обновленный Государственный музей истории космонавтики имени Н.Э. Циолковского, по которому можно бродить не один день, вызывает неподдельное восхищение. Но городу, на мой взгляд, все-таки не хватает именно космического. Космической столичности или столичного космизма. Космического классицизма в обличье города. Циолковского видения мира. Наверное, нужен архитектор масштаба самого Циолковского и Петра Нинитина, чтобы запустить Налугу в наступивший XXI космический век.

А самые интересные нынешние открытки, которые я обнаружил в современной Налуге, — это репринтный набор «Воздухоплавание и авиация на рубеже XIX — начала XX веков» из коллекции инженера Б.Н. Воробьева, первого биографа Циолковского, — выпущенные Музеем истории космонавтики. Открытки из ушедшей эры мечтателей и воздухоплавателей.

